

## ***Мораль и насилие в международных отношениях***

### **Жиль Андреани и Пьер Аснэ**

В 2003 году в Центре образования и международных исследований Парижского института политических наук Пьером Аснэ был проведен семинар об этике в международных отношениях. Оригинальность темы семинара, предложенной Жилем Андреани, директором Центра анализа и прогноза при Министерстве иностранных дел, получившей поддержку Министерства и German Marshall Fund (GMF), состояла в том, чтобы сопоставить видения философов и интеллектуалов с мнениями тех, кто на практике сталкивается с моральными дилеммами, возникшими в связи с новыми реалиями международных отношений. Подобные споры вызывала роль ядерного оружия во время холодной войны. На данном семинаре предметом обсуждения стали темы, связанные с политикой устрашения, которая находится в центре моральных дилемм международного сотрудничества: гуманитарное присутствие, применение силы, санкции и международное правосудие, борьба против терроризма, новый мировой порядок. Была предпринята попытка понять, что могло разделить или сблизить США и Европу по вопросу войны в Ираке, подвергшему трансатлантические отношения невиданному напряжению. Подготовлен сборник материалов семинара, в котором приняли участие такие деятели, как Стенли Хоффманн, Антуан Гарапон, Пьер Бюхлэ, сэра Адам Робер, Кристоф Бертрам, Майкл Гленнон. Публикация выйдет осенью в издательстве Presses de Sciences Po названием «Оправдать войну? От гуманитарного действия к ани-терроризму». Пьер Аснэ и Жиль Андреани позволили нам опубликовать их введение к этой книге. Мы благодарим их за это.

### ***Возвращение интервенции***

После окончания холодной войны, международные вмешательства участились. Они также глубоко трансформировались. С начала 1990 года, две операции следуют одна за другой: в 1991, война в Заливе, начатая как законная коллективная защита, принимает формы действия коллективной безопасности согласованного и многостороннего характера, поддержка Организации Объединенных Наций, одобренное общественное мнение на местном и мировом уровне; в 1992, американская гуманитарная миссия в Сомали, вскоре смененная Организацией Объединенных Наций. Два различных регистра: действия, относящиеся к общественной безопасности, и гуманитарные; но, в обоих случаях, можно видеть сочетание американского главенства и почтительности ООН, которое позволяет говорить о "новом мировом порядке".

В течение десяти лет, до 11 сентября 2001, именно гуманитарное вмешательство превалирует, а его удачу можно изобразить колеблющейся кривой. Не менее восьми главных операций ставят перед собой гуманитарную цель (помимо Сомали, уже упомянутого, Гаити, Босния-Герцеговина, Руанда, Сьерра-Леоне, Косово, восточный Тимор, демократическая Республика Конго).

По мере развития этих операций возникали проблемы, отличные от тех, с которыми сталкивались раньше, при классических операциях по сохранению мира: защита сил, вмешивающаяся в текущий конфликт, расхождение между их полномочиями и средствами, трудность сохранять нейтралитет в случае злостного нарушения гуманитарного права, их склонность постепенно вступать в столкновения с одной из конфликтующих сторон, в послевоенное время - взятие под опеку с целью укрепления гражданского мира, экономической реабилитации и государственного строительства (или восстановления) (которые заставят говорить о международном "протекторате" по поводу

Боснии, Косова или восточного Тимора, или о необходимости определить новый режим международной "опеки").

От четкого различия между вмешательством гуманитарным и относящимся к общественной безопасности, в Косово перешли к открытому применению силы, но на этот раз по гуманитарным причинам; в Боснии, помощь жертвам вынудила их делать выбор, примкнуть к одному из лагерей; выбор, постепенный и вынужденный в Боснии, решительный и смелый в Косово.

Дилемма применения силы отягчается, в этом последнем случае, новыми проблемами: должна ли сила она служить в первую очередь для защиты жертв или для подавления агрессора; где равновесие между безопасностью миротворческих сил и риском ненамеренного ущерба; какова степень желательной самостоятельности военного по отношению к политике в этом типе операций.

К правовой проблематике, или скорее, как в случае Руанды и Боснии, к необходимости вмешательства для борьбы с геноцидом и массовыми убийствами, в чем международное сообщество потерпело поражение почти полностью в первом случае, частично во втором, добавляется ответственность за ситуацию в послевоенный период.

Вмешательство стремится оправдать себя не только в плане человеческой ценности, тем, что оно способно положить конец страданиям, а также окончательным итогом, то есть экономической и структурной реабилитацией государства, восстановлением способности сообществ, ранее противоборствовавших, начать новую общую жизнь. Сложный итог, неизвестно, когда его подводить, и не выступит ли вчерашняя жертва в роли агрессора завтра.

Вопреки тенденциям к ужесточению вмешательств и расширению их целей, вопреки их неоднозначным итогам, и разногласиям, которые они вызывают в плане принципов, между Севером и Югом, между США и их союзниками, четким остается различие еще между войной, в которую вступают для защиты себя и своих интересов, и вмешательство, бескорыстное, не преследующее собственных выгод, санкционированное международной организацией.

11 сентября изменило все, и последовали вмешательства, проводимые США ради государственной безопасности, как во время холодной войны, на этот раз в рамках общей войны против терроризма. Конечно, вторжение в Афганистан, которое было нацелено на режим, потворствующий террористам, и встречало сильную поддержку на местном и международном уровне, отличается в этом плане от войны в Ираке 2003 г., предмета споров, приведших к открытому кризису, - операции, чей удар по международному терроризму остается столь же неопределенным, сколь спорным. Но в обоих случаях общественная безопасность была на первом месте.

Между тем, гуманитарные задачи стали упоминаться в связи с этим в критике, и, более неожиданным образом, в обоснованиях по поводу этих операций. Падение режима талибов и диктатуры баасистов, улучшения, которые за этим последовали для народа, даже надежды на другие изменения, которые могли бы произойти на расширенном Ближнем Востоке, достаточны для многих, чтобы оправдать вмешательства. Эти аргументы в случае Ирака широко заменили размышления о государственной и международной безопасности, которыми США пытались изначально оправдывать свои действия.

Возникает эффект сообщающихся сосудов, результат несостоятельности обоснований, относящихся к общественной безопасности, в особенности из-за отсутствия оружия массового поражения, а также идеологический момент: Афганистан и Ирак вписаны в историю вековой борьбы США против тираний, которая идет от победы над Германией и Японией к недавним выборам в Грузии и на Украине, где удалось помешать подлогу.

Смешивая вопросы гуманитарные и относящиеся к общественной безопасности, что характерно, по крайней мере, в обоснованиях, для вмешательств, ведущихся в рамках

борьбы с терроризмом, мы возвращаемся “вильсонизму” американской внешней политики (со всеми противоречиями, свойственными президенту США В.Вильсону - империалисту, который вторгается в Мексику в 1914 г., идеалисту, который идентифицирует демократию с миром в “14 пунктах об условиях мира из послания Конгрессу в 1918 г.”).

Опыт временных международных протекторатов 1990 г. дал некий возврат имперской идеи, смягченной, освобожденной от мании величия или иерархии между расами, к идее "благотворного" вмешательства, каковую Американцы составили о своей гегемонии.

Но существует также естественный инстинкт демократических государств, и в особенности США, - способствовать распространению своей модели, и искреннее отвращение к абсурдному режиму талибов или тирании Саддама Хуссейна. Возникает реальная проблематика: почему « ответственность защищать » должна ограничиваться открытыми гуманитарными кризисами и не сыграла ли бы она положительную роль, когда обстоятельства того требуют, в уничтожении жестоких режимов, бесчинства которых стали причиной не меньших страданий, чем гуманитарные кризисы или войны? Кто может сожалеть о падении Бокасса, Пол Пота, Иди Амин Дада, спровоцированных вмешательствами, законность которых не была очевидна?

Гуманитарные кризисы, проблемы общественной безопасности, распространение демократии - границы вмешательства расширяются? Возможно, с риском международных беспорядков из-за слишком широкой бреши в запрете на применение силы; возможно, они остановятся на практических границах вмешательства, встретив сопротивление людей простым решениям, пришедшим извне, из-за политической и экономической стоимости операций, которые трудно оправдывать, а еще труднее - успешно завершить.

Возможно, расширение понятия допустимости вмешательства с концом серии операций, начавшихся в конце 1980 г. после потепления в отношениях между востоком и западом; возможно, категории, в которые была внесена сумятица в течение этого периода, - сохранение мира и применение силы, операции по коллективной и государственной безопасности, - потребуют новых определений; возможно, напротив, из-за повсеместной угрозы и совпадения разных типов военных действий подобные вмешательства будут оставаться необходимыми, а прояснение категорий - невозможным.

### Возвращение морали

Мораль и международная политика никогда не ладили. В международной сфере, Государство, « самое холодное из холодных чудовищ » принимает во внимание только свои интересы, государственные интересы. В крайнем реалистичном видении, идея международной морали противоречива. Согласно ей, сообщество Государств якобы имеет общие ценности и верования, - иллюзия, которая продержалась не дольше, чем идеал *civitas christiana* (христианского общества).

Дело не в том, что мораль отсутствует в международных обсуждениях: СССР и его соратники разоблачали безнравственность ядерного оружия; Рональд Рейган выступит в поддержку создания противоракетной обороны. В идеологическом контексте холодной войны, разоблачали безнравственность или цинизм противника, называли Советский Союз « империей зла », американскую нейтронную бомбу - « оружием- каннибалом». В то же время, реальность побеждает моральную бескомпромиссность и брошенные в воздух анафемы: ведутся переговоры с Советским Союзом, состязание не исключает общих интересов и поиска компромисса. В нашу ядерную эпоху, моральное суждение не отложено в сторону, но главным положительным качеством по-прежнему остается осторожность.

С конца холодной войны, мораль занимает совершенно новое место в международной жизни, что можно заметить по многим проявлениям: рост значимости международного правосудия, пристальное внимание к военным законам при проведении международных

вмешательств, взаимные покаяния Государств в ошибках прошлого, постоянное взывание к морали, не только в полемике против противника, но и в собственной политике и политике союзников: Клинтон осуждает безнравственность плана Вэнса-Оуэна в Боснии-Герцоговине, Буш ведет свою войну против терроризма под флагом духовности, противники войны Ирака тоже опираются на право и мораль. Государства ведут себя не намного лучше, можно сказать о них, как Монтескье говорит о людях, «плуты в мелочах, но в целом - они очень честные люди: они любят мораль».

Чем объяснить эту внезапную любовь, это неожиданное сочетание морали и международной политики? Положение после холодной войны может дать некоторые пути к разъяснению. Первое – большая общность между внутренней и международной политикой.

Противоречие между внутренней политикой, ведущейся под знаком ограничения и контроля власти, и необходимостью применять в международных действиях совершенно противоположенные принципы, всегда трудно принять в условиях демократии, причем рост могущества ведет к усугублению этого противоречия, а необходимость подчиняться требованиям “Реальполитик” идет только на пользу. Но эта двойственность может быть оправдана требованиями выживания в мире без правил.

В мире после холодной войны, где демократические ценности приобретают все большую значимость и распространение, где ставки в борьбе за международную безопасность не так высоки, во всяком случае для благополучных северных демократий, эта двойственность гораздо менее приемлема и впрочем, в ней нет уже такой необходимости.

Теперь уже можем позволить себе роскошь руководствоваться моралью в вопросах дипломатии; или, в более оптимистической интерпретации, государственные интересы не ставят больше барьеров влиянию в международных действиях Государств, требований прозрачности, справедливости и равенства, присущих демократии. Тем более, что, во всех развитых странах, эти требования, кажется, сходятся во внутреннем и на международном уровне: этические запросы, рост регулирующего авторитета, влияние неправительственных организаций.

Второй важный момент связан, вероятно, с несостоятельностью международного порядка перед новыми формами насилия: в то время последние стремятся главным образом к нарушению работы и распаду Государств, международный порядок направлен на предупреждение межгосударственных войн. Для этой цели выработаны такие принципы как суверенитет, не-вмешательство и запрет на применение силы, которые образуют некое единое целое. Радикально пересматривать эти принципы было бы столь же рискованно с юридической точки зрения, столь и небезопасно для межгосударственного международного порядка.

В связи с этим положением возникает необходимость в обходных стратегиях, основанных на морали. "Незаконное, но правомерное" вмешательство в Косово, возвращение к традиции справедливой войны или еще знаменитая формулировка Франсуа Миттерана («обязательство невмешательства заканчивается там, где рождается риск отказа от оказания помощи») сыграли немаловажную роль в процессе выработки этих стратегий.

Между тем, они ненадежны, небезопасны. Противопоставлять мораль праву, брать на себя ответственность вмешиваться на основании превосходства имманентного "морального" права над действующим правом - разве это не возврат к учениям о естественном праве совершенно другой эпохи? Где граница между "морально оправданным" вооруженным вмешательством и священной войной? («Сама добродетель нуждается в границах», - говорил еще Монтескье.) Если мораль должна превалировать над правом, может ли она быть чем-либо иным, кроме вынужденной, исключительной меры, реакции в ситуации, не допускающей отлагательства, отступлением от закона, к которому следует незамедлительно вернуться, как только позволят обстоятельства?

## *Вмешательство и новые угрозы*

Именно на пересечении этих двух тенденций периода после холодной войны, возвращение к политике вмешательства и возвращения морали, располагаются вопросы, которые являются предметом этой книги. Но нужно сказать еще о третьей тенденции: это изменение самой угрозы. Массовый терроризм и его распространение придают новый масштаб дилеммам вмешательства.

Вначале, природа апокалиптического терроризма, который проявился 11 сентября 2001, и ответа, который следовало дать, оставалась неопределенной. В тот день оказалось, что терроризм способен нанести развитому обществу огромный ущерб, раньше казалось, что это прерогатива Государств. Открывает ли это событие эру эскалации терроризма, для которого характерно насилие, не связанное с какими-либо четкими политическими целями, насилие без соответствия политическим интересам организаций, которые его применяют?

Карл фон Клаузевиц предвидел эту перспективу, представляя войну, где насилие безо всякой политической рациональной основы стало самоцелью. В период холодной войны это видение мог воплотить ядерный апокалипсис. А сегодня его можно соотнести с ядерной Аль-Каидой.

Входит ли это в сценарий уже ведущегося сближения между распространением оружия массового поражения и терроризмом? Даже если это всего лишь вероятность, это должно бы радикально изменить наше представление об отношениях между Государством, частными группировками и войной. Это перевернуло бы наш подход к бремени доказательства обоснованности превентивных мер и применения силы и сделало бы цену бездействия решающим фактором вмешательства.

Но до этого далеко, и предметом споров сегодня является американская концепция предотвращения, которая оправдывает использование силы против Государств, стремящихся к наращиванию военного потенциала и распространению оружия массового уничтожения, то есть, еще до того, как они у них появится возможность начать какие-либо действия в этом направлении. Эта доктрина была представлена как одно из возможных обоснований войны в Ираке. Это концепция борьбы против терроризма, которая под названием « войны против террора », забегает вперед массового насилия, которое, возможно, не неизбежно, рискуя преувеличивать стратегическое значение терроризма джихада в мировом масштабе и, невольно, способствовать росту его политического значения.

Но обсуждение этим не ограничивается: мы должны посмотреть на угрозу, которая проявилась 11 сентября, с учетом опыта прошлой борьбы против терроризма, более успешной, чем принято считать, но не исключая возможности, что это качественно новая угроза, что в тот день была начата война в прямом смысле слова, исход, а не реальность которой в настоящее время находятся в центре внимания. По крайней мере, мы обязаны допустить возможность, что мы находимся на концептуальном промежуточном этапе, когда ни понятия и приемы войны, ни средства традиционного уголовного наказания не приспособлены к новому типу борьбы, которая начата 11 сентября. Перед лицом новой опасности, бездействие и отказ приспособляться более предосудительны, чем ошибки, которые неизбежны при реагировании и поиске новых решений.

## *Косово и Ирак*

Косово и Ирак – вот на сегодняшний день два полюса в обсуждении вопросов о вмешательстве, противопоставленных друг другу. С одной стороны, Косово: консенсус (по крайней мере, в региональном уровне), относительная ясность намерений, решение неизбежного гуманитарного кризиса, контролируемое и соразмеренное применение силы, падение Милошевича, стабилизация ситуации в Косово и в регионе. С другой стороны -

Ирак, отсутствие согласия в международном мнении по этому вопросу, спорные и частично ложные обоснования вмешательства, отсутствие причин для срочных действий, обоснованные вопросы о пропорциональности военного ответа и нарушений, приписываемых Ираку, нестабильной стране с тревожным будущим.

Однако, оба случая поставили более глубинные проблемы права и в морали, чем это кажется на первый взгляд: отсутствие четкого разрешения Совета Безопасности, рискованный подход к применению силы, расхождение с целями, приписываемыми операциям (военные действия не были прямо направлены на защиту албанцев Косово; сила не была необходима для уничтожения иракской угрозы), цели после разрешения конфликта, которые рискуют оказываться ирреальными - многонациональное Косово, объединившийся и демократический Ирак.

Международная законность применения силы оказывается более сложно определимой, чем простая мгновенная проверка законности решения о вмешательстве. Обычно возникают три ряда вопросов, которые соответствуют классическим этапам: *jus ad bellum* (право на войну), *jus in bello* (право на войне) и возвращение к миру.

Теперь эти проблемы они находятся в тесном взаимодействии с самого сначала: существование и умеренность лимитированных военных опций, способных сокращать гражданские потери имеют влияние решение о законности прибегать к силе. О периоде после разрешения конфликта также нужно думать заранее: даже при наличии законного повода и специально выработанными военными опциями допустимо ли вмешиваться, не предусмотрев послевоенного развития, не беря на себя ответственность за безопасность населения, не найдя политических решений беспорядков, которые неизбежно провоцирует даже сама справедливая война?

Сама законность операции не оценивается “здесь и сейчас” в отрыве от политического контекста, который может вынудить рассматривать смежные проблемы (например, отсутствие разрешения Совета Безопасности) в другом свете: вмешательство НАТО стремилось заставить сербские силы прекратить репрессии против албанцев Косова, что было предписано Советом Безопасности. Вмешательство коалиции в Ираке юридически основывалось на возобновлении разрешения действовать против этой страны, данное в 1991 г., по поводу правомочности которого Совет не может прийти к согласию.

Иными словами, - только общего итог сравнения цены вмешательства и невмешательства позволяет обоснованно высказаться о необходимых действиях, а такой итог может быть сделан только со временем. Но, в ключевой момент решения о вмешательстве, прогноз последствий этого решения, так же как рассмотрение опыта альтернатив, предпринятых в прошлом, чтобы избежать этой крайней меры, очень важны для ее легитимности.

#### Легитимность и международные организации

Остается последний важнейший вопрос политики и права: *quis judicabit?* Кто судит о законности вмешательства или правомерности методов антитеррористической борьбы? Даже если сослаться на понятие законной власти, на положение и доктрину справедливой войны, или на определение верховной власти Карла Шмитта («Правитель тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»), вопрос о статусе судьи или хранителя законности в конфликтах между Государствами и другими участниками международных событий обязательно возникает, как только мы покидаем состояние биполярного равновесия.

Как после всех великих войн XX-ого века, по окончании холодной войны появилась надежда на коллективной безопасности, находящейся в центре международных отношений. Идея «нового мирового порядка», проводимая в начале 90-х годов Жоржем Бушем и Франсуа Миттераном, предполагала возрождение ООН и, в особенности, пересмотра устава в вопросе о безопасности и применении силы. Опыт Сомали и Югославии быстро показал хрупкость этой надежды.

В течение всего периода, число миссий ООН росло, что послужило причиной постоянного и почти структурного спора, и внутреннего, и внешнего: Государства и международная бюрократия перекалывают друг на друга ответственность за отклонения между поставленными задачами и их выполнением, США с высоты своей "гипервласти" выражают недовольство, что ООН мешает свободе их действий, Государства Юга оказывают сопротивление, воспринимая международную борьбу за права человека как ущемление собственного суверенитета.

Государства объединяются в « коалиции добровольцев » или организации специально для этого, (от Большой Восьмерки до Квартета, автора "дорожного листка", предназначенного решить израильско-палестинский конфликт), или в Группу контакта по Боснии и Косово чаще, чем они подчиняются решениям Совета Безопасности. Но надо заметить, что страны Юга не ошибаются, видя в этих "советах" и "мнениях" проявление коалиции северных держав, решивших управлять планетой и вмешиваться, прямо или косвенно, в дела менее развитых стран.

Еще надо заметить также, что эта новая биполярность между Севером и Югом, или между центром и периферией, выглядит гораздо сложнее, если рассматривать уникальную позицию США, выступающими то в роли сдержанного шерифа, то активиста, и, с другой стороны, двусмысленную позицию таких держав, как Россия, Китай или Индия. Последние хотят присоединиться к центру, но отказываются, желая придать себе большую значимость. Американская "сверхдержава" отказывается, не желая жертвовать ни каплей всей власти ради многосторонних отношений, тем более ради прав человека.

Сменяющие друг друга комиссии стараются преодолеть противоречия и вырабатывают планы реформы, которые пытаются определять задачи международного сообщества, « как ответственность защищать », включив в них понятия, возникшие в связи с последними конфликтами, - предотвращение и предупреждение.

Далеко еще не все разногласия по поводу будущего международной системы, по поводу законности решены. В споре о биполярной и многополюсной модели мира, о односторонних и многосторонних действиях, о равенстве Государств и ответственности великих держав, обнаруживаются классические концепции мира, поддерживаемого властью, законом, равновесием, сотрудничеством. Необходимость преодолеть противоречия, найти общие точки ощущается все с большей остротой, хотя это, по-прежнему, непросто, несмотря на некоторые ограниченные, но многообещающие нововведения в области международного правосудия.

Жиль Андреани и Пьер Аснэ

## **Revue des revues de l'adpf, sélection de mai 2006**

Gilles ANDRÉANI et Pierre HASSNER: « Morale et violence internationale »  
article publié initialement dans la revue *Commentaire*, n°111, automne 2005.

### Traducteurs :

Anglais : Roger Leverdier  
Arabe : Anouar Moghith  
Chinois : Yan Suwei  
Espagnol : Claudia Riva-Palacio  
Russe : Katia Beliavina

### Droits :

- © *Commentaire* pour la version française
- © Roger Leverdier/Institut Français du Royaume Uni pour la version anglaise
- © Anouar Moghith/Centre Français de Culture et de Coopération du Caire – Département de Traduction et d'Interprétation pour la version arabe
- © Yan Suwei/Centre Culturel Français de Pékin pour la version chinoise
- © Claudia Riva-Palacio/Institut Français d'Amérique Latine pour la version espagnole
- © Katia Beliavina/Centre Culturel Français de Moscou pour la version russe